

РУССКИЙ АПОСТОЛ БРАЗИЛИИ: ПСИХОЛОГ ЕЛЕНА АНТИПОВА

НАТАЛЬЯ МАСОЛИКОВА

Старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына

МАРИНА СОРОКИНА

Заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына, кандидат исторических наук

В первых числах августа 1929 года в бухту Рио-де-Жанейро (Бразилия) вошел трансатлантический итальянский лайнер «Юлий Цезарь» - один из лучших океанских кораблей своей эпохи. С 1925 года он начал совершать регулярные рейсы из Европы в Южную Америку, перевозя на своем борту более 1800 пассажиров, среди которых было немало эмигрантов, пересекавших Атлантический океан в поисках лучшей доли. Так, именно на этом пароходе в январе 1929 года в порт Буэнос-Айреса (Аргентина) прибыла итальянская эмигрантка Роза Бергольо, бабушка будущего Папы Римского Франциска - первого понтифика из Латинской Америки, избранного на папский престол.

Среди пассажиров «Юлия Цезаря», после двухнедельного морского перехода бросившего якорь в Рио-де-Жанейро, находилась и другая женщина-эмигрантка - русская по происхождению, научная сотрудница одного из ведущих мировых психолого-педагогических центров исследований детства - Института Жан-Жака Руссо в Женеве (Швейцария). Она ехала в Бразилию всего на несколько месяцев, по контракту с правительством штата Минас-Жерайс, которое проводило в это время образовательную реформу.

В тот момент еще никто не мог предположить, что недавняя жительница Санкт-Петербурга останется в этой стране навсегда, что благодаря ее усилиям тысячи бразильских учителей, врачей и психологов овладеют современными профессиональными знаниями в области коррекционной педагогики и психологии, а на место биомедицинской модели лечения «дефективных» и «умственно отсталых» придет гуманистическая парадигма обучающего развития и поддержки «людей с исключительными способностями». Небольшое, казалось бы, изменение терминологии в реальности означало настоящий переворот в представлениях и отношении бразильского общества к «особенным». В ответ благодарные бразильцы поставили Елене Владимировне Антиповой - Helena Antipoff (1892-1974), так звали эмигрантку, памятник - единственный в этой стране и во всей Латинской Америке памятник женщине-ученому, создали ее мемориальный музей, назвали ее именем университетскую кафедру и тщательно изучают ее научное наследие.

В первой половине XX века, когда многие страны Латинской Америки начинали реформировать свои образовательные структуры и развивать научный потенциал, опыт русских эмигрантов, вынужденно покинувших родину после Гражданской войны (1917-1922), был особенно востребован - для образованных специалистов открывались значительные возможности профессионального и карьерного роста. «Энергичные, знающие интеллигенты - для них Бразилия и создана», - констатировала Елена Антипова уже в одном из первых писем после приезда в эту страну (1929 г.)¹.

Приехав в Бразилию тестировать (и учить этому других), отсеивая неспособных и выявляя интеллектуально одаренных детей, ибо таков был первичный социальный заказ, она существенно видоизменила поставленные перед ней прямолинейные задачи отбора и пошла дальше, окрашивая и расширяя их гуманистическим контекстом и профессиональной приверженностью идее компенсаторного обучения. Как и подавляющее большинство русских интеллигентов, Антипова с юности верила в образование как важнейший инструмент развития личности. В условиях различных бразильских политических режимов она сумела личным примером и высокопрофессиональной работой убедить власть и общество, церковь и благотворительные организации, чиновников, коллег и родителей в возможности и необходимости создания образовательных условий для роста и развития всех членов общества, в том числе, а может быть и прежде всего, «отстающих».

In early August 1929, an Italian Transatlantic liner sailed into the Rio de Janeiro bay in Brazil. The *Giulio Cesare* was one of the best ships of her time. Since 1925, she had been making regular voyages from Europe to South America taking more than 1,800 passengers on board, among them quite a few emigrants who crossed the Atlantic in search of better life. And so Italian emigrant Rosa Bergoglio arrived in the port of Buenos Aires (Argentina) on board of this very ship in January 1929. Her grandson was eventually to become Pope Francis, the first ever pontific from Latin America to have been elected to the papal seat.

Among the passengers of the *Giulio Cesare*, which docked in Rio de Janeiro after a fortnight of sailing, was another lady emigree, of Russian parentage, a researcher at one of the world's foremost psychological and pedagogical centers for childhood studies, the Jean-Jacques Rousseau Institute in Geneva (Switzerland). She was going to Brazil for just a few months, under a contract with the government of the Minas Gerais State that was busy reforming their education system at the time. Then, no one could as yet conceive that the recent resident of

THE RUSSIAN APOSTLE OF BRAZIL: PSYCHOLOGIST YELENA ANTIPOVA

NATALIA MASOLIKOVA

Senior Research Associate of the Russians Abroad Department at Alexander Solzhenitsyn Russia Abroad House

MARINA SOROKINA

Ph.D. (History), Head of Russians Abroad History Department at Alexander Solzhenitsyn Russia Abroad House

Все фото Н.Ю. Масоликовой и М.Ю. Сорокиной
Photographs by N.Masolikova and M.Sorokina

*Памятник Е.В.Антиповой. Ибирите, Бразилия
Monument to Helena Antipoff. Ibirite, Brazil*

*The Global Educational Space
and the Academic Migrants:*

THE LEGACY OF THE RUSSIAN-
BRAZILIAN PSYCHOLOGIST
HELENA ANTIPOFF (1892–1974)
IN SCIENCE, EDUCATION
AND HUMAN RIGHTS
(LATIN AMERICA,
EUROPE AND RUSSIA)

*Proceedings
of the International
Colloquium*

Moscow, June 18–20 2012

АНТИПОВСКИЙ СБОРНИК

*Образование для всех
и ученые-эмигранты:*

НАСЛЕДИЕ РУССКО-
БРАЗИЛЬСКОГО ПСИХОЛОГА
ЕЛЕНА АНТИПОВОЙ (1892–1974)
В ОБЛАСТИ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ
И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ,
ЕВРОПЕ И РОССИИ

*Материалы
международного научного
коллеквиума*

Москва, 18–20 июня 2012

Обложка докладов Международного научного коллоквиума «Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892–1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» (сост. Н.Ю.Масоликова, М.Ю.Сорокина. М.: Известия, 2014). Автор обложки - художник К.Арнштам (Франция)

Front cover of reports at the International Theoretical Colloquium “Education for All and Emigrant Scholars: Heritage of Russian-Brazilian Psychologist Helena Antipoff (1892-1974) in Science, Education and Human Rights in Latin America, Europe, and Russia” (compiled by N.Yu. Masolikova and M.Yu. Sorokina.) Izvestia Publishing House, Moscow, 2014. Artist K. Arnshtam (France)

Наследница идей великого швейцарского гуманиста Иоганна Генриха Песталоцци (1746-1827) о развивающем обучении и поддержке социально незащищенных слоев населения, прежде всего детей, Е.В.Антипова не только предложила обществу свой личный психолого-педагогический проект, но сумела воплотить его, добившись создания в 1940 году в городке Ибирите (недалеко от г. Белу-Оризонти) интегративного образовательного комплекса «Фазенда до Розарио». Здесь, на вполне рациональных научных началах, оказалась реализована русская социальная утопия - мечта о таком лучшем, а главное, справедливом устройстве общества, при котором все его члены имеют равные возможности для своего развития и благоденствия. «Фазенда до Розарио» была и остается по сей день огромной светской образовательной общиной, пространство которой открыто для всех типов человеческой нестандартности.

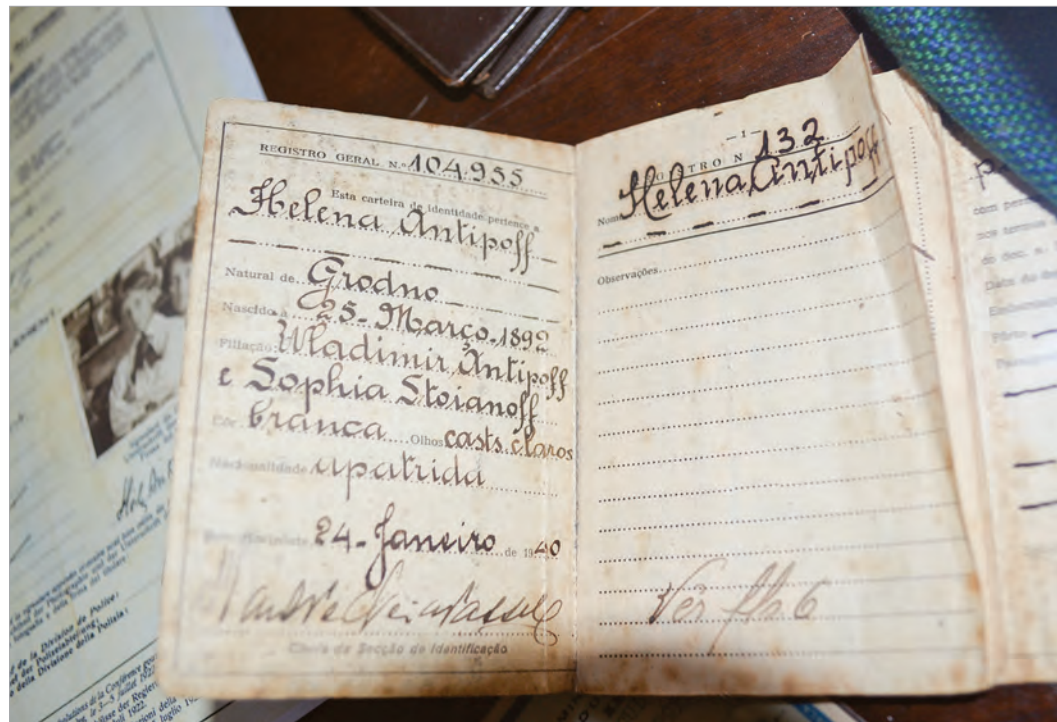
За полвека работы в Бразилии Е.В.Антипова стала основателем множества образовательных институтов самого различного уровня - от кафедр психологии в университетах штатов Минас-Жерайс и Рио-де-Жанейро до сети сельских учебных учреждений для детей с особыми потребностями. Известный бразильский писа-

St. Petersburg would remain in the country for the rest of her life, that thanks to her ministrations thousands of Brazilian teachers, doctors, and psychologists would master modern professional expertise in the area of correctional pedagogy and psychology, while the biomedical model of treating the mentally handicapped and retarded would be replaced by a humanistic paradigm of educating development and support of people with exceptional abilities. A seemingly slight change in terminology in fact signified a veritable revolution in the ideas and attitude of Brazilian society to the “special.” The grateful Brazilians responded by putting up a monument to Helena Antipoff (1892-1974), the only one of its kind in that country and indeed in the whole of Latin America, to commemorate the lady scholar; they also set up a memorial museum, gave her name to a university department and are diligently studying her scientific legacy.

In the first half of the 20th century, when many Latin American countries took to reforming their educational structures and furthering their research potential, the experience of Russian emigrants forced to leave their country after the Civil War of 1917-1922 was very much in demand. Educated specialists had considerable opportunities opening up before them to move up the professional and career ladder. “Vigorous, knowledgeable intellectuals – Brazil is the very place for them,” Helena Antipoff observed already in one of her first letters upon her arrival in that country (in 1929).¹

Having come to Brazil to do the testing (and teach others to do that), weeding out backward and discovering intellectually gifted children, for such was the original social order, she changed substantially the straightforward assignment of selection she had been tasked with and moved on coloring and expanding it by a humanist context and professional devotion to the idea of compensatory education. Like most other Russian intellectuals, Ms. Antipoff had since her youth had faith in education as a major instrument of personality development. Under conditions of various political regimes in Brazil she managed to convince the authorities and the public, the church and charity organizations, officials, colleagues and parents, on her personal example, that all members of society could and should have educational opportunities to grow and progress, and that also applied, possibly more than to anyone else, to the “retarded.”

Being a follower to the ideas of the great Swiss humanist Johann Heinrich Pestalozzi (1746-1827) of developing education and support of socially unprotected population strata, first and foremost children, Ms. Antipoff not only offered her personal psychological and pedagogic project to society, but also managed to translate it into practice. Already in 1940, she had an integrative educational center named Fazenda de Rosario set up in the small town of Ibirite (not far from Bello Horizonte). There, on a perfectly rational scientific basis, the Russian social utopia became a fact, the dream of a better, and most importantly, just society organization when all of its members have equal opportunities for their development and well-being. Fazenda de Rosario was and still is a giant secular educational community whose space is open to all sorts of the atypical humans.

Бразильская регистрационная карточка Елены Антиповой. 1940 г.

Brazilian registration card of Helena Antipoff. 1940

*В библиотеке Федерального университета штата
Минас-Жерайс, Белу-Оризонти, Бразилия*

*In the library of the Federal University, State of Minas Gerais,
Belo Horizonte, Brazil*

тель Отто Лара Резенде (1922-1992) оставил выразительный портрет Елены Антиповой: «Дона Елена, сухая, аскетичная, похожая на колосок. Слабая женщина и сильная славянка, разрушительница всех стереотипов - близорукая интеллектуалка с потрясающей прозорливостью, эта (вечно с головной болью!) бразильянка... из Санкт-Петербурга и конструктор детских душ...»².

Уже несколько десятилетий в Бразилии успешно действуют образовательный Фонд Елены Антиповой (Foundation Helena Antipoff, FNA), Центр истории психологии и документации им. Елены Антиповой при Федеральном университете Минас-Жерайс; на португальском языке издано пять томов ее научных работ и материалов общественных инициатив³. Подвижническая деятельность русского психолога по интеграции «исключительных» и «нестандартных» получили высокое государственное признание в Бразилии - Антипова была удостоена звания почетного гражданина одного из самых крупных штатов страны Минас-Жерайс, ордена Южного Креста, медали «За заслуги в области образования» (вручена лично Президентом Бразилии).

Биография Е.В.Антиповой, ее научная, научно-организационная и общественная деятельность в Швейцарии и Бразилии привлекали и привлекают значительное внимание историков науки разных стран⁴. Международный научный коллоквиум, состоявшийся в июне 2012 года в Доме русского зарубежья им. Александра Солженицына в Москве, впервые широко рассказал

россиянам о незаурядной личности и огромном вкладе Е.В.Антиповой в развитие глобального психолого-педагогического и образовательного пространств⁵.

Е.В.Антипова родилась 25 марта/7 апреля 1892 года в г. Гродно Минской губернии, где стоял полк ее отца Владимира Васильевича Антипова (1862-1927), в то время офицера 101-го пехотного Пермского полка Виленского военного округа. Владимир Антипов был уроженцем одной из западных губерний Российской империи - Лифляндской и происходил из семьи русских купцов второй гильдии. Согласно недавно найденным рижским историком С.Н.Ковальчук архивным материалам, первый известный представитель рода Антиповых платил налоги в Риге уже с 1791 года. На протяжении всего XIX века они вели здесь купеческие дела и активно участвовали в благотворительной деятельности русских рижан⁶.

В 1907 году полковник Генерального штаба В.В.Антипов возглавил Петербургское пехотное юнкерское училище (с 1910 г. Владимирское военное училище) и в этой должности встретил начало Первой мировой войны.

На юбилейной XXXV Антиповской конференции (слева направо): правнучка Е.В.Антиповой профессор Сесилия Антиповфф, М.Ю.Сорокина, автор научной биографии Е.В.Антиповой, профессор Режина де Фрейтас Кампос. Ибирите, Бразилия, 2017 г.

At the Jubilee 35th Antipoff Conference (left to right), great-granddaughter of Helena Antipoff Professor Cecilia Antipoff, M.Yu. Sorokina, author of Helena Antipoff's academic biography, Professor Regina de Freitas Campos, Ibirite, Brazil

In the fifty years of working in Brazil, Helena Antipoff founded lots of educational institutions of various levels, from psychology departments in universities of the states of Minas Gerais and Rio de Janeiro, to the network of village schools for children with special needs. Prominent Brazilian journalist and writer Otto Lara Resende (1922-1992) left an expressive description of Ms. Antipoff, “Dona Helena is lean and ascetic, not unlike a wheat spike. A weak woman and a strong Slav, a breaker of all stereotypes, a myopic intellectual with amazing foresight, this Brazilian (ever head-achy!) ... from St. Petersburg and a constructor of children’s souls...”²

For several decades now the educational Foundation Helena Antipoff, FNA, the Center for the History of Psychology and Documentation named after her, attached to the Federal University of Minas Gerais, have been successfully functioning in Brazil. Five volumes of her research works and public initiative materials have come out in Portuguese.³ The selfless activity of the Russian psychologist to integrate the exceptional and the nonstandard was highly commended by the state of Brazil; Ms. Antipoff was titled Honorary Citizen of one of the country’s largest states, Minas Gerais, was awarded the Order of the Southern Cross, and a medal For Merit in Education (handed personally by the President of Brazil.)

*Кампус «Хелена Антипофф» Федерального университета штата Минас-Жерайс, Ибирите, Бразилия
Helena Antipoff Campus of the Federal University, State of Minas Gerais, Ibirite, Brazil*

Почти сразу он получил назначение на фронт, а в апреле 1917 года был назначен командиром 19-го армейского корпуса и произведен в генерал-лейтенанты - ранг, ставший последним в его военной службе. Мать Елены Антиповой - Софья Константиновна, урожденная Стоянова, также происходила из служилой армейской семьи и, судя по сохранившимся письмам, обладала решительным и волевым характером. Весь семейный круг Антиповых - это люди, чьи профессиональные успехи достигались благодаря личным достоинствам и неустанным трудам. Здесь ценили целеустремленность и упорство в достижении цели, верность Отечеству и присяге.

В петербургской частной женской гимназии Л.С.Таганцевой Нелли Антипова (домашнее имя Елены Владимировны) познакомилась с другой Россией - не менее преданной родине, но мыслившей и действовавшей по-иному. Гимназия Таганцевой пользовалась репутацией лучшей и самой дорогой женской гимназии Петербурга начала XX века. Здесь, на Моховой, 27, преподавали первоклассные педагоги, которых отбирала сама директриса Любовь Степановна Таганцева, родная сестра известного правоведа, сенатора Н.С.Таганцева. По свидетельству мемуаристов, в гимназии царил атмосфера дисциплины и дух научной критики. В старших классах читались лекции, а учителя здоровались с ученицами за руку. «Мы чувствовали себя слушательницами высших курсов, - писала И.Э.Еленевская. - Этому способствовало и то, что появились новые предметы, как психология, начало юридических наук, латынь и высшая математика»⁷. Кроме того, гимназистки были в курсе всех литературных, театральных, выставочных и музыкальных событий в Петербурге. Неслучайно многие из них нашли себя в искусстве и науке, а героиня эпопеи Александра Солженицына «Красное колесо» Наташа Аничкова училась именно у Л.С.Таганцевой.

The biography of Helena Antipoff, her research, science organizing, and public work in Switzerland and Brazil did and do attract considerable attention on the part of historians of science in various countries.⁴ The international scientific colloquium that convened in June 2012 at the Alexander Solzhenitsyn House of Russia Abroad in Moscow told the Russians for the first time about the outstanding personality and tremendous contribution of Helena Antipoff to the global psychological, pedagogic, and educational environment.⁵

Helena Antipoff was born in the town of Grodno, Minsk Province, on March 25/April 7, 1892, where her father's regiment was quartered at the time. Vladimir V. Antipoff (1862-1927), then an officer of the Perm 101st Infantry Regiment of the Vilno Military District, came from Lifland, one of the western provinces of the Russian Empire, and his ancestors were Russian second guild merchants. According to the archival materials recently discovered by Riga historian S.N. Kovalchuk, the first known member of the Antipoff family paid taxes in Riga way back in 1791. Throughout the 19th century, the Antipoffs traded there and took an active part in the charity work of the Riga Russians.⁶

In 1907, General Staff Colonel Vladimir Antipoff was appointed head of the Infantry Cadet School in St. Petersburg (since 1910, the Vladimir Military School), and saw the outbreak of the First World War in that office. Nearly at once he was sent to the front, and in April 1917 was appointed commander of the 19th Army Corps and promoted to the rank of Lieutenant General. Helena's mother, Sofia Konstantinovna, nee Stoyanova, also came of a serviceman's family, and judging by the surviving letters, was a resolute lady of iron will. The entire family circle of the Antipoffs consisted of people whose professional success was achieved thanks to their personal merits and tireless work. They valued purposefulness and tenacity in attaining objectives, and loyalty to one's country and oath.

At the St. Petersburg private gymnasium for girls run by L.S. Tagantseva Nellie Antipoff (Helena's pet name) was introduced to another Russia, no less devoted to the country, but one that was thinking and acting differently. Tagantseva's gymnasium was reputed to be the best and most expensive grammar school in the city in the early 20th century. There, at 27, Mokhovaya Street, only the top-notch teachers were employed having been personally selected by the head mistress, Lyubov Stepanovna Tagantseva, a sister of the prominent jurist, senator N.S. Tagantsev. As memoir writers testified, the atmosphere in the school was that of discipline and scholarly criticism. Senior students were given academic lectures, while the teachers shook hands with them. "We felt as though we were university undergraduates," wrote I.E. Yelenevskaya. "The illusion was all the more realistic because we took up new subjects, such as psychology, jurisprudence basics, Latin, and calculus."⁷ Besides, the students were *au fait* with all the literary, theatrical, exhibition, and musical events in St. Petersburg. It was hardly an accident that many of them realized themselves in art and science, while the protagonist of Alexander Solzhenitsyn's *The Red Wheel*, Natasha Anichkova, was a student of L.S. Tagantseva.

But even in Tagantseva's elitist grammar school the form were Helena was a student stood out as extraintellectual. Suffice it to say that among her closest friends were Yelizaveta Pilenko (1891-1945), a would-be renowned poet and public figure, participant in the French Resistance Movement during the Second World War, and Mother Maria canonized by the Constantinople Patriarchy. The daughters of high-ranking officers, successful doctors and lawyers who had grown up in an atmosphere of prosperity, the Tagantseva students were embarrassed to be so well-off, sought social justice, and in the fall of 1908 even organized a circle to study Marxism and "went to the people," giving lessons to the workers of the Putilov and Franco-Russian plants to teach them arithmetic, geography, the Russian and German languages. Decades later, in 1990, the *Leningrad Panorama* magazine published a photograph of the youthful Ms. Antipoff with a solemn caption in the spirit of the time, "Nellie Antipoff, a member of the underground cell of students at the St. Petersburg Bolshevik Party Committee."⁸

To be sure, the Tagantseva school circle was quite a long way off an "underground cell." Yet it instantly went under police surveillance. Soon the politically suspect behavior of his daughter earned Colonel Antipoff a reprimand, and the Police Department kept a surveillance dossier on her. Yu. Eiger in her reminiscences confirmed that the police had ample grounds to be spurred into action, "The acknowledged and indisputable beauty of our form, Nellie Antipoff, was the daughter of a general,⁹ head of the Vladimir Cadet School. Her obviously monarchist milieu did not prevent her from feeling for the revolutionary movement and occasionally actively helping us. The Antipoffs' apartment was directly below that of the military school inspector, Colonel <K.F.> Neslukhovsky, whose entire family took part in revolutionary movement. Once, both friends, Liza Thal and Nellie Antipoff, were reading up for exams in the general's apartment, when the orderly came in and informed them confidentially that the Neslukhovsky apartment upstairs was being searched, and that both the young ladies there had been taken to prison. Liza and Nellie instantly snatched their

Даже в элитной Таганцевской гимназии класс Елены Антиповой выделялся своим интеллектуальным уровнем. Достаточно сказать, что среди ближайших подруг Антиповой была Елизавета Пиленко (1891-1945) - в будущем известная поэтесса и общественный деятель, участница французского Сопротивления в годы Второй мировой войны мать Мария, канонизированная Константинопольским патриархатом. Дочери высокопоставленных военных, преуспевающих медиков и адвокатов, выросшие в атмосфере материального достатка, таганцевские гимназистки стыдились своего благополучия, искали социальную справедливость и осенью 1908 года даже организовали кружок по изучению марксизма, «пошли в народ» - проводить уроки для рабочих Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. Десятилетия спустя, в 1990 году, в журнале «Ленинградская панорама», появилась фотография юной Антиповой с серьезной, в духе времени, подписью: «Нелли Антипова - член подпольной организации учащейся молодежи при Петербургском комитете РСДРП (б)»⁸.

Конечно, до «подпольной организации» таганцевскому гимназическому кружку было далеко. Однако он сразу попал под наблюдение тайной полиции. Вскоре неблагонадежное поведение дочери было поставлено на вид полковнику В.В.Антипову, а в Департаменте полиции на нее заведено надзорное дело. Ю.Эйгер в мемуарах подтвердила небезосновательность полицейской активности: «Всеми признанная и бесспорная красавица нашего класса, Нелли Антипова, была дочерью генерала*, начальника Владимирского юнкерского училища. Это явно монархическое окружение не мешало ей сочувствовать революционному движению и иногда активно помогать нам. Над квартирой Антиповых находилась квартира инспектора этого военного училища полковника <К. Ф.> Неслуховского, вся семья которого участвовала в революционном движении. Однажды обе девушки-подружки - Лиза Таль и Нелли Антипова - сидели в генеральской квартире и готовились к экзаменам, когда вошел денщик и сообщил им по секрету, что наверху у Неслуховских идет обыск и что обе барышни увезены в тюрьму. Лиза и Нелли тут же схватили свои сумки, чтобы придать себе вид школьниц, идущих в гимназию, вышли из оцепленного полицией дома и пошли предупреждать об аресте других членов организации. Это было в апреле 1910 года»⁹. Заметим, что еще осенью 1906 года на упомянутой квартире К.Ф.Неслуховского лидер большевиков В.И.Ленин провел несколько конспиративных встреч, там же неоднократно собирались совещания членов ЦК РСДРП (б).

Описанные события происходили в год окончания гимназии. Нелли Антипова собиралась поступать в Женский медицинский институт в Петербурге, однако полицейский демарш заставил ее мать немедленно увести дочь за границу, подальше от оппозиционно настроенных друзей, и тем самым невольно определил профессиональное будущее девушки. С октября 1911 года Антипова - студентка парижской Сорбонны. Здесь она познакомилась с крупнейшими именами европейской психологии и философии - философом и общественным деятелем Арни Бергсоном (1859-1941), психологом и психопатологом Пьером Жане (1859-1947), Теодором Симоном (1873-1961) и Альфредом Бине (1857-1911), «отцами» всемирно известной шкалы измерения интеллекта, названной «шкалой Бине - Симона»; наконец, с Эдуардом Клапаредом (1873-1940), ведущим специалистом по прикладной и педагогической психологии, основателем Института Ж.-Ж.Руссо в Женеве. Именно знакомство с Клапаредом и его покровительство сыграли важнейшую роль в жизни Елены Антиповой. С 1912 года она училась в возглавляемой Клапаредом Школе педагогических наук в Женеве.

Вернувшись в Россию в 1917 году для спасения тяжело раненого на фронтах Первой мировой войны отца, Антипова после большевистской революции 1917 года оказалась на «передовой» экспериментальной психологии и приняла самое активное участие в педологических обследованиях детей (сирот, беспризорников, социально нуждающихся) в карантинно-распределительных пунктах Вятки и Петрограда, изучая физическое и интеллектуальное развитие малышей, прошедших сквозь ужасы социальных катаклизмов, и одновременно оказывая им первую психологическую и социальную помощь.

Под нужды Центрального карантинно-распределительного детского пункта Наркомпроса в Петрограде сначала была отдана гостиница «Европейская», а затем помещение бывшего Императорского Александровского

* Генерал-майором В.В.Антипов стал в декабре 1910 г. Мемуаристка несколько предвосхищает события.

Награды Елены Антиповой

Decorations of Helena Antipoff

school bags to appear like a couple of innocent schoolgirls on their way to school and went out of the house cordoned off by the police to go and warn the other organization members of the arrests. That was in April 1910.¹⁰ Let us observe that back in the fall of 1906 the said apartment of K.F. Neslukhovskiy served a venue for several clandestine meetings conducted by the Bolshevik leader, Vladimir Lenin, and repeatedly hosted conferences of the Bolshevik party Central Committee members.

The events described here occurred in the year of school-leaving. Nellie Antipoff was going to enter the Women's Medical Institute in St. Petersburg, but the police demarche prompted her mother to whisk her daughter away abroad, to keep her as far as possible from her oppositionist-minded friends, which unwillingly predetermined the young girl's professional future. From October 1911, Ms. Antipoff was an undergraduate at the Paris Sorbonne. There, she met the greatest personalities of European psychology and philosophy, philosopher, writer, and public figure Henri Bergson (1859-1941), psychologist and neurologist Pierre Janet (1859-1947), Theodore Simon (1873-1961), and Alfred Binet (1857-1911), the fathers of the internationally known scale of intellect measurements called the Binet-Simon scale; and finally, Edouard Claparède (1873-1940), the leading expert in applied and pedagogical psychology and founder of the Jean-Jacques Rousseau Institute in Geneva. It was her acquaintance with Claparède and his protection that played a crucial role in the life of Helena Antipoff. Since 1912, she had been studying at the Institute of Educational Sciences headed by Claparède in Geneva.

Back in Russia in 1917, to tend her father seriously wounded at the fronts of the First World War, Ms. Antipoff found herself in the forefront of experimental psychology in the wake of the 1917 Bolshevik Revolution, and took a most active part in pedagogical examination of children (orphans, homeless, and socially deprived children) at quarantine and distribution posts of Vyatka and Petrograd looking at the physical and intellectual development of the kids who had been through the horrors of social upheavals, and rendered them psychological and social first aid.

Гимназистка Е.Антипова. 1909 г.

High school student Helena Antipoff. 1909

лица на Каменном острове. В 1921 году в пункте побывал знаменитый британский фантаст и общественный деятель Герберт Уэллс (1866-1946), который особо отметил персонал пункта - «людей, политически неблагонадежных или открыто недовольных новым режимом, но желающих тем не менее служить России». Восхищаясь их самоотверженным трудом, сочетавшим высокую образованность, преданность избранному делу и гуманность по отношению к ближнему, писатель отметил, что они работали здесь «с чистым сердцем и спокойной совестью»¹⁰.

Креативность «бывших» способствовала и тому, что именно в этом распределительном пункте один из учителей Александр Александрович Брянцев (1883-1961) создал театральный кружок, который впоследствии перерос в известный Театр юного зрителя. Будучи психологом-обследователем пункта, Елена Антипова также активно и творчески служила детям и новой науке, а схему и методике его работы, свои «полевые наблюдения», обобщила в докладе на петроградской конференции работников детских домов в 1923 году¹¹. Читая этот текст сегодня, понимаешь, сколь напряженным физически, тяжелым морально и одновременно многофункциональным и профессионально отточенным был ежедневный труд психолога-практика Антиповой.

«Хождение по мукам» революции и Гражданской войны не обошло стороной и ее собственную семью: ее муж - писатель Виктор Ирецкий (1882-1936) был арестован ГПУ и выслан осенью 1922 года в рамках известной акции «философский пароход» в Германию. В отличие от жен других выслаемых, безропотно принявших чекистский вердикт и последовавших за мужьями, Антипова обратилась в ГПУ с решительным по тону заявлением о невозможности эмиграции вследствие «отсутствия средств» и причастности к «новому, полезному для страны делу» (работа в пункте) и не менее решительной просьбой отпустить арестованного Ирецкого на две

The Central Quarantine and Distribution Post of the People's Education Commissariat in Petrograd was originally housed in the Yevropeiskaya Hotel, and then on the premises of the former Emperor Alexander I Lyceum on Kamenny Island. In 1921, the Post was visited by the famous British sci-fi writer and public figure H.G. Wells (1866-1946) who was particularly impressed by the staff, people politically suspect or openly hostile to the new regime, yet willing to serve Russia. Admiring their selfless work that combined excellent education, devotion to the chosen cause, and humaneness toward their fellow humans, the writer noted that they were working with a pure heart and clear conscience.¹¹ The creative vigor of the "have-beens" was also conducive to one of the teachers, Alexander Bryantsev (1883-1961), setting up a drama circle precisely at that distribution post, which eventually grew into the famous Young Spectator's Theater. Being a psychologist examiner at the post, Helena Antipoff likewise served actively and creatively the children and science, and the scheme and methodology of the work, her field observation, she summed up in a report at the Petrograd Conference of Children's Home Personnel in 1923.¹² Reading this text today one sees how physically strenuous and morally excruciating, and simultaneously multifunctional and professionally finely honed was the daily work of psychologist-practitioner Antipoff.

The ordeal of the Revolution and the Civil War did not spare her own family either; her husband, writer Victor Iretsky (1882-1936) was arrested by the GPU (Chief Political Directorate) and exiled in the fall of 1922 to Germany on board the ship known as the philosophers steamer. Unlike the wives of other exiled men who meekly accepted the Cheka (Extraordinary Commission) verdict and followed their husbands, Helena Antipoff applied to the GPU with a strongly worded letter saying that emigration was impossible owing to lack of means and involvement in the new cause useful for the country (work at the post), and a no less resolute request to let the apprehended Iretsky go home for a fortnight to pack and say goodbye to his family.¹³ She got what she wanted, and did not leave Russia herself until 1924, when she set off for Berlin with her five-year-old son Daniil to join her husband.

Despite the relatively brief experience of psychological and pedagogic work in Russia, it was the Russian start of Helena Antipoff, a product of the intellectual and spiritual archetypes of her family, the rich St. Petersburg cultural atmosphere of the Silver Age and the best humanistic traditions of the Russian psychological and pedagogical community, that determined a lot of things in her professional work in the future.

Once in Berlin, Ms. Antipoff almost instantly, on October 18, 1924, sent a letter to Professor Claparède in Geneva describing all that had happened to her and her family in the preceding seven years, and also, which was the main thing, her psychological work in Russia. Interestingly, that first Berlin letter recently published by Martine Ruchat in the book of Claparède-Antipoff correspondence sounded fairly optimistic. Ms. Antipoff informed her teacher that for all the political cataclysms, Russian psychology institutes were functioning quite satisfactorily and had collected rich empirical material, while she, cooperating with various laboratories in Petrograd and Vyatka, had examined over a thousand children and orphans. In the same letter she called the professor's attention to the latest research works by Russian psychologist A.F. Lazursky (1874-1917) on classifying personalities and studying them in conditions natural to the tested individual. The Master replied at once to his gifted student, and already since November the correspondence between Berlin and Geneva proceeded uninterrupted. Shortly afterward, Helena Antipoff published in Switzerland two papers on Russian experimental psychological research.

However, what was possible to do in Geneva with help from Professor Claparède failed dismally in Berlin. Ms. Antipoff's attempts at obtaining a job in her specialty were futile, her family life was likewise far from perfect. Already in 1925, Helena Antipoff turned to her teacher for help and in 1926 took her son and left for Geneva where she got a position of Prof. Claparède's assistant at the university and Jean-Jacques Rousseau Institute.

In Geneva Ms. Antipoff received what she had been deprived of in Russia and what she needed so sorely, intense intellectual communication with all its attendant boons, discussions, conferences, publications, projects, etc. At the time, the Rousseau Institute was the home of a constellation of renowned and young, shortly to become outstanding, psychologists, from Jean Piaget (1896-1980), Charles Baudouin (1893-1963) to Alice Descoedres (1877-1963), Mina Audemars (1883-1971) and Andre Rey (1906-1965), talking to whom and cooperating with whom helped their Russian colleague quickly recover her professional form. Especially important was the fact that the exstudent was well remembered and trusted. In the 1920s photos she is invariably among scholars, next to the founders and heads of the Institute, Professor Edouard Claparède and Pierre Bovet (1878-1965). Director of the Rousseau Institute Pierre Bovet pointed out in his book that M-me Antipoff had to take on the entire herculean work of staging experiments and coordinating various research in Geneva, which she managed to do with flying colors. The talent of an able organizer and inspirer that had been in no demand whatever in Petrograd/Leningrad flowered most vividly in Geneva and became a prelude of

недели домой для сборов и прощания¹². Она добилась этой отсрочки, а сама оставила Россию только в 1924 году, отправившись с пятилетним сыном Даниилом к мужу в Берлин (Германия).

Несмотря на короткий по времени опыт психолого-педагогической работы в России, именно «русский старт» Елены Владимировны, вобравший в себя интеллектуальный и духовный семейные архетипы, насыщенную петербургскую культурную атмосферу Серебряного века и лучшие гуманистические традиции российского психолого-педагогического сообщества, многое определил в ее профессиональной работе в будущем.

Приехав в Берлин, Антипова почти тотчас же, 18 октября 1924 года, отправила письмо профессору Э.Клапареду в Женеву, рассказав о происходившем с ней и ее семьей за прошедшие семь лет, а также - и это было главным - о своих психологических работах в России. Интересно, что это первое берлинское письмо, недавно опубликованное М.Руша в книге переписки Э.Клапареда и Е.В.Антиповой, звучало весьма оптимистично. Антипова сообщила учителю, что, несмотря на политические катаклизмы, российские психологические институты работают вполне удовлетворительно и собрали богатый эмпирический материал, а она сама, сотрудничая с различными лабораториями Петрограда и Вятки, провела обследование более тысячи детей и сирот. В том же письме она обратила внимание профессора на последние исследования русского психолога А.Ф.Лазурского (1874-1917) по классификации личности и ее изучению в естественных для испытуемого условиях. Мэтр сразу ответил талантливой ученице, и уже с ноября между Берлином и Женевой установилась постоянная переписка. Вскоре Е.В.Антипова опубликовала в Швейцарии две статьи, посвященные российским экспериментально-психологическим исследованиям.

Однако то, что с помощью профессора Э.Клапареда удавалось сделать в Женеве, совсем не получалось в Берлине. Попытки Е.В.Антиповой устроиться на работу по специальности закончились безрезультатно, семейная жизнь также оказалась далека от идеала. Уже в 1925 году Елена Владимировна обратилась к учителю за помощью и в 1926 году уехала с сыном в Женеву, где получила место ассистента профессора Клапареда в университете и Институте Ж.-Ж.Руссо.

В Женеве Е.В.Антипова получила то, чего была лишена в России и в чем так нуждалась, - интенсивное интеллектуальное общение со всеми присущими ему атрибутами - дискуссиями, конференциями, публикациями, проектами и т. п. В это время Институт Ж.-Ж.Руссо был созвездием известных и молодых, а в недалеком будущем выдающихся психологов - от Жана Пиаже (Piaget, 1896-1980), Шарля Бодуэна (Baudouin, 1893-1963) до Алис Декедр (Descocudres, 1877-1963), Мины Одемар (Audemars, 1883-1971) и Андре Рэя (Rey, 1906-1965), - общение и сотрудничество с которыми помогло русской коллеге быстро восстановить профессиональный тонус.

Особенно важным было то, что бывшую студентку хорошо помнили и доверяли ей. На фотографиях 1920-х годов она всегда в центре научных сотрудников, рядом с основателями и руководителями института - профессором Эдуардом Клапаредом и Пьером Бове (1878-1965). Директор Института Руссо профессор Бове отметил в своей книге, что мадам Антиповой пришлось взять на себя всю огромную работу по постановке экспериментов и координации различных исследований в Женеве, с чем она блестяще справлялась.

Талант умелого организатора и вдохновителя, который был совершенно не востребован в Петрограде/Ленинграде, ярко обнаружил себя в Женеве и стал прелюдией к работе Антиповой в Бразилии. Профессиональное и общественное признание пришло быстро: «В прошлый четверг говорила по радио. Слушавшие в Женеве говорили, что удачно», - писала она мужу 19 сентября 1926 года, всего через полгода после переезда¹³. В эти годы Антипова подготовила и опубликовала целую серию статей в крупнейших психологических журналах Швейцарии - «Archives de Psychologie» и «Intermédiaire des Educateurs».

Кроме того, Женеве подарила русской эмигрантке и так необходимое человеческое тепло. Как отмечает М.Руша, дружеские отношения между учителем и ученицей выходили за рамки исключительно внутрикорпоративного общения и способствовали моральному и интеллектуальному возрождению Антиповой. Профессор считал ее и своей духовной дочерью, и музой, и именно «Антип», а не дочь или сына видел в качестве своего преемника.

Удачно интегрированная в научную и социальную жизнь интернациональной Женевы, Елена Антипова тем не менее не теряла и связи с соотечественниками. Ее ближайшими собеседниками стала семья Барановых, глава которой был одним из любимых учеников профессора Петербургской консерватории скрипача Н.В.Галкина. «Наняла

Сотрудники Института Ж.-Ж.Руссо в Женеве <1926 г.> В 1-м ряду (слева направо) - М.Одемар, Е.В.Антипова, Л.Лафендель; во 2-м ряду (слева направо) - Р. Мейли, Ш.Бодуэн

Staff members of the Jean-Jacques Rousseau Institute in Geneva. <1926> Left to right, front row, M. Audemars, Helena Antipoff, L. Lafendel; back row, left to right, R. Mailey, Ch. Baudouin.

Ms. Antipoff's work in Brazil. Professional and public acclaim was not long in coming. "Last Thursday I spoke on the radio. The Geneva audience said it was not bad," she wrote to her husband on September 19, 1926, a mere six months after moving there.¹⁴ In those years, Helena Antipoff prepared and published a whole series of articles in major psychology journals of Switzerland, *Archives de Psychologie* and *Intermediaire des Educateurs*.

Besides, Geneva also gave the Russian emigree human warmth she needed so badly. As M. Ruchat observed, friendly relations between the teacher and the student went beyond strictly intracorporative communications and helped the moral and intellectual rebirth of Helena Antipoff. The professor considered her his spiritual daughter and muse, and saw "Antipe" rather than his daughter or son as his successor.

Fortunately integrated in the scientific and social life of international Geneva, Helena Antipoff nevertheless kept up ties with her compatriots. Her best interlocutors were the Baranov family whose head had been one of the favorite students of violinist N.V. Galkin, professor at the St. Petersburg Conservatoire. "I hired a grand piano jointly with Baranov," Helena reported to her husband in July 1926. "The rent is 7.50 rubles a month. Donya (the son) picks out by ear tunes he knows, playing scales and exercises after lunch for half an hour. He is getting used to the piano. I play in my leisure time quite a lot. I also accompany Baranov, may come in handy some time – one mustn't spurn anything these days, and most importantly, forget what one learned at least a little of. Music is a good vent in sultry July days that saves me from spleen...."¹⁵

*Президент Фонда Елены Антиповой Мария до Кармо Лара
President of the Helena Antipoff Foundation Maria do Carmo Lara*

ситете приехал известный филолог, лингвист и педагог Сергей Иосифович Карцевский (1884-1955), соредатор широко известного в эмиграции журнала «Русская школа за рубежом», Антипова немедленно обратилась к нему с просьбой взять на себя преподавание русского языка, русской географической истории и литературы для немногочисленных женеvских русских детей и их родителей, желавших сохранить в семье русский язык и культуру.

И все-таки жизнь в благоустроенной Женеве была далека от идиллической. Письма Е.В.Антиповой тех лет полны горьких признаний. 19 июля 1926 года: «Собиралась «с моста в речку сигануть» <...>, конец года - усталость от жизни, неудач от отсутствия собственных сил»¹⁷. 20 ноября 1926 года: «Пишу Вам на открытке, потому что на письмо не хватило денег... Устаю от работы страшно, притащившись домой, отлеживаюсь около часа прежде, чем сделать что-нибудь другое. Похудела и постарела на несколько лет»¹⁸. Однако природный оптимизм, востребованность и приязнь коллег спасали и здесь: «Постепенно приспосаблиюсь и привыкаю и поэтому сил трату как будто последнее время меньше. И все идет хорошо»¹⁹.

рояль на половину с Барановым, - сообщила Елена Владимировна мужу в июле 1926 года. - Месяц обходится 7 р. 50. Доня <сын> подбирает знакомые мелодии, играет после обеда около получаса гаммы и упражнения. Приучается к роялю. Я играю в свободное время довольно много. Аккомпанирую Баранову, может, в будущем это пригодится - не надо пренебрегать сейчас ничем, а главное, не забывать того, чему хоть немного училась. Музыка - хорошая отдушина в душные июльские вечера от тоски»¹⁴.

Живший в Лозанне известный книговед и общественный деятель Н.А.Рубакин (1862-1946) также быстро заметил появление новой русской сотрудницы и в начале 1928 года отправил Е.В.Антиповой свою книгу по библиопсихологии¹⁵. Вскоре она стала читательницей Рубакинской библиотеки, заказав несколько книг для себя и сына. В архиве Н.А.Рубакина сохранилась и трогательная открытка восьмилетнего Даниила Антипова, написанная простым карандашом и печатными буквами в июне 1927 года: «Дорогой Николай Александрович. Спасибо Вам большое за вашу любезность и за память обо мне. Мне книжки очень нравятся. Я буду их читать летом, когда у меня будет время. Когда буди в Лозанне я наверное зайду к Вам. Спасибо еще раз. Ваш Данил Ирецкин-Антипофф»¹⁶.

Перспектива потери сыном русского языка стала ведущим стимулом для Е.В.Антиповой в организации маленького русского клуба в Женеве. Когда в ноябре 1927 года сюда из Праги для чтения лекций в универ-

N.A. Rubakin, a well-known bibliologist and public figure then resident in Lausanne, also quickly noticed the appearance of the new Russian colleague, and in early 1928 sent her his book on bibliopsychology.¹⁶ Before long she became a reader at Rubakin's library ordering several books for herself and her son. In Rubakin's archive there is a touching postcard from eight-year-old Daniil Antipoff written in lead pencil and in block capitals in June 1927, "Dear Nikolai Alexandrovich, Thank you so much for your kindness and remembering me. I like the books a lot. I shall read them in summer, when I have time. When I am in Lausanne, I'll probably come over. Thank you once again. Yours, Daniil Iretsky-Antipoff."¹⁷

The prospect of her son forgetting Russian became the main incentive for Helena Antipoff to organize a small Russian club in Geneva. When in November 1927 the prominent philologist, linguist and pedagogue Sergei Iosifovich Kartsevsky (1884-1955), a coeditor of the journal *Russian School Abroad* widely known among emigrants, arrived from Prague to give lectures at the university, Ms. Antipoff instantly turned to him requesting him to take on teaching Russian, Russian geographic history and literature to the few Russian children and their parents in Geneva who wished to keep the Russian language and culture in the family.

And yet life in comfortable Geneva was far from idyllic. Ms. Antipoff's letters of the time are full of bitter confessions. July 19, 1926, "Was going to 'jump in the river' <...>, end of year – weary of life, failures from lack of stamina";¹⁸ November 20, 1926, "I am writing to you on the postcard because I did not have enough money to send a letter.... I get monstrously tired working, having trudged home I lie flat on my back for an hour or so before doing anything else. I have lost weight and look years

Фонд Елены Антиповой. Современный вид
Helena Antipoff Foundation. Current view

Воспитанники Фонда Елены Антиповой. Ибирите, Бразилия
Alumni of the Helena Antipoff Foundation. Ibirite, Brazil

Помимо трудностей адаптации Антипову преследовали и проблемы визового режима. Как жена высланного из России, она приехала в Женеву с паспортом, выданным в Германии на два года, срок его действия истек 17 октября 1927 года. Очень скоро женщина оказалась, по собственному выражению, «между небом и землей» - германские власти не хотели продлевать паспорт, так как его обладательница *de facto* жила в Швейцарии, а швейцарские - отказывали в выдаче международного паспорта беженца («нансеновского»), чтобы не нажить себе лишнего эмигранта. Для спасения ученицы от принудительной высылки профессор Клапаред неоднократно ходатайствовал у немецкого консула и в правительственных кругах Берна о продлении ее паспорта и визы. Но, несмотря на высокое покровительство, никто не мог поручиться, как окончится эта история и не придется ли Антиповой покинуть Швейцарию.

Как многие эмигранты, Елена Владимировна искала любую определенность и ради постоянной профессиональной работы была готова отправиться едва ли не куда угодно. «Просила Клапареда дать мне командировку на будущий год в Египет в новый институт, который он основывает теперь там», - сообщала она мужу²⁰. Рассматривала Антипова и испанский вариант работы, и американский. Причем последний казался вполне приемлемым, так как оттуда она могла вернуться в Швейцарию: «Обещали меня подождать и принять во всякое время»²¹. Немногие русские ученые-эмигранты могли похвалиться такой надежностью своих европейских тылов!

Перспектива странствовать и свободно передвигаться казалась заманчивой, «ибо ничто так не близко моей натуре, как чувствовать себя свободной в пространстве и не знать межстранных границ». И когда в 1928 году в Женеву приехал доктор Альберто Алвареш из Бразилии, подбиравший научный персонал для проведения

older.”¹⁹ However, her inborn optimism, being in demand, the friendliness of colleagues were something of salvation there too. “I am getting adjusted and used to it all little by little and so seem to spend less energy of late. And all is well.”²⁰

Apart from the difficulty of adaptation, Ms. Antipoff was also plagued by visa problems. As the wife of a man exiled from Russia she came to Geneva with a passport issued in Germany for two years that expired on October 17, 1927. Very soon the woman found herself hanging in limbo, to use her own phrase. The German authorities would not extend her passport, as its owner was resident *de facto* in Switzerland, while their Swiss counterparts refused to issue her a refugee’s international passport (known as the Nansen passport) so as not to burden themselves with yet another immigrant. To save his student from forced extradition, Professor Claparède repeatedly pleaded with the German Consul and the government circles in Berne to have her passport and visa extended. But despite the high protection, no one could vouch that the case would end well and Ms. Antipoff would not have to leave Switzerland.

Like most emigrants, Helena Antipoff yearned for some certainty and was ready to go anywhere to get professional work. “I asked Claparède for a business trip to Egypt next year, to the new institute he is founding there at present,” she wrote to her husband.²¹ Ms. Antipoff also considered an offer of work in Spain, and in the US as well. The latter seemed perfectly acceptable, as she could return to Switzerland from there, “They promised to wait for me and take me on any time.”²² Few Russian emigrant scientists could boast similar security of European havens.

The prospect of traveling and moving freely seemed enticing, “for nothing is so close to my nature,” she wrote, “as feeling free in space and knowing no country borders.” And when in 1928 Doctor Alberto Alvarez arrived in Geneva from Brazil to select research personnel for reforming the national education system, Professor Claparède’s recommendation and Ms. Antipoff’s own readiness to cross the Atlantic soon settled the problem, and she left Geneva in 1929.

It is worth saying that Brazil and its system of psychological education were perfectly well known at the Rousseau Institute. In 1928 and 1929, L.G. Walter and Th. Simon were already working in Bello Horizonte. Professor Claparède, for his part, came to Brazil in mid-September 1930. “Unfortunately,” Ms. Antipoff wrote to her husband, “he got there in the midst of the revolution. He got stuck here, in Bello Horizonte, for a whole month longer than planned; he did not feel too good here, as this was his first experience of a revolutionary regime. Fortunately, nothing really disastrous happened to him (a bullet scratch, that was all), and he returned to Geneva in one piece.” Indeed, for the Swiss accustomed to peaceful calm in the four hundred years, the complexities of Brazilian reality might have seemed a bit over the top. Small wonder that of all the Rousseau Institute staff, only Helena Antipoff, who had been through the Russian revolutions and Civil War, decided to stay on in Brazil for good sharing with the local experts the knowledge and methodology obtained at Claparède’s Institute, and expanding the network of intellectual, personal, and institutional contacts formed around the Geneva Institute.

In the 1930s, Brazil was vigorously changing its traditional political and economic systems, as well as radically reforming its education. Helena Antipoff became one of the first practicing psychologists within this new system. Together with colleagues from other countries, she started organizing psychological and pedagogic training for teachers virtually from scratch so that they could work with children in various psychological categories in the state of Minas Gerais. Simultaneously, European experts started regular mass psychological examination of Brazilian children.

Undoubtedly, large-scale organizational and educational practice in a foreign cultural and linguistic environment was possible only because the scientific biography of Helena Antipoff fancifully combined Russian and European psychological education in the spirit of Claparède’s functionalism and natural experimentation of A.F. Lazursky with A.P. Nechayev’s ideology of fighting for enlightenment and the truth; experience of psychological observation of children in different cultures, problem-free and troubled, revolutionary life circumstances, conditions of family homes and orphanages, and years of theoretical research and practical work in the area of psychotechniques and intellect testing, in particular research into children’s intellectual abilities.

Work in Brazil, practically in extreme natural and sociocultural conditions by a Russian person’s standards, nevertheless allowed Helena Antipoff to realize many of her scientific ideas and projects. Like a true creator, this woman was cosmopolitan. All of that, spiritual heights, professionalism and humanism, the Russian scholarly destiny, the image of a selfless mother, was given to Brazil.

Having lived through the horrendous years of wars and revolutions, Helena Antipoff achieved through her own suffering a conviction that a social balance in society could only be attained when each person had an opportunity to develop their personality potential. In contrast to Mother Maria, who had chosen the way of Christian service to God and the world, Helena Antipoff made her chief instrument of transforming the world education and its institutions. “A lady apostle sent to us from the Russian heaven, she

реформы национальной образовательной системы, рекомендация профессора Э.Клапареда и собственная готовность Е.В.Антиповой отправиться через океан быстро решили дело, и в 1929 году она покинула Женеву.

Стоит отметить, что Бразилия и бразильская система психологического образования были хорошо известны в Институте Руссо. В 1928 и 1929 годах в Белу-Оризонти уже работали Л.Г.Вальтер и Т.Симон. Сам профессор Э.Клапаред приезжал в Бразилию в середине сентября 1930 года. «К несчастью, - сообщала Антипова мужу, - попал во время революции. Застрял здесь, в Bello Horizonte, на целый месяц больше того, что предполагал; чувствовал себя здесь неважно, так как впервые пришлось испытать революционный режим. К счастью, ничего непоправимого с ним не случилось (чуть-чуть пуля его задела), и он благополучно вернулся в Женеву». Действительно, для привыкших за четыре века к мирному спокойствию швейцарцев сложности бразильских реалий могли показаться избыточными. Неудивительно, что из всех сотрудников Института Руссо только пережившая русские революции и Гражданскую войну Елена Антипова решила остаться в Бразилии навсегда, передавая местным специалистам знания и методики, полученные в институте Клапареда, и расширяя сеть интеллектуальных, персональных и институциональных контактов, сформированных вокруг женевского института.

В 30-х годах XX столетия Бразилия энергично изменяла свой традиционный политический и экономический уклад, а также кардинально реформировала систему образования. Е.В.Антипова стала одним из первых психологов-практиков в этой новой системе. Вместе с коллегами из других стран она практически с нуля приступила к организации психолого-педагогической подготовки учителей для работы с детьми разных психологических категорий в штате Минас-Жерайс. Одновременно европейские специалисты начали регулярные массовые психологические обследования бразильских детей.

Несомненно, масштабная организационно-образовательная практика в чужой культурной и языковой среде стала возможна благодаря тому, что в научной биографии Елены Владимировны Антиповой причудливо соединились русско-европейское психологическое образование в духе функционализма Э.Клапареда и естественного эксперимента А.Ф.Лазурского и идеология «борьбы за просвещение и правду» А.П.Нечаева; опыт психологических наблюдений за детьми в разных культурах, благополучных и кризисных, революционных обстоятельствах жизни, домашних и детдомовских условиях, и многолетние научные и практические изыскания в области психотехники и интеллектуального тестирования, в частности исследования детских умственных способностей.

Работа в Бразилии - фактически в экстремальных для русского человека природных и социально-культурных условиях - тем не менее позволила Е.В.Антиповой реализовать многие научные идеи и проекты. Как подлинный творец, эта женщина была космополитична. Все это - высокий дух, профессионализм и гуманизм, русская научная судьба, образ самозабвенной матери - досталось Бразилии.

Пережившая страшные годы войн и революций, Елена Антипова на собственном опыте выстрадала убеждение, что социальный баланс в обществе может быть достигнут только тогда, когда оно предоставляет каждому человеку возможность для развития его личностного потенциала. В отличие от матери Марии, избравшей путь христианского служения Богу и миру, Елена Антипова своим главным инструментом преобразования мира сделала образование и его институты. «Апостол женского рода, ниспосланный нам из российского поднебесья, - она сама была лучшим примером того «созидательства», которому учила, которое проповедовала самой жизнью своей», - писал об Антиповой известный бразильский писатель Отто Лара Резенде²².

Елена Владимировна Антипова скончалась в госпитале Св. Луки в Белу-Оризонти 9 августа 1974 года. В последний путь ее провожали тысячи людей во главе с губернатором штата Минас-Жерайс²³.

У всех народов есть свои национальные герои. Еще недавно эту галерею составляли прежде всего набриллированные правители, убежденные седидами политики, статные военные красавцы в мундирах и орденах и редко-редко - просветители, гуманисты, медики, учителя. XX век открыл, однако, что близорукие интеллигенты могут изменять человечество и каждого человека в отдельности значительно глубже, чем войны и походы. У Швейцарии есть Песталоцци, у Польши - Януш Корчак, у Германии - Альберт Швейцер. У России тоже есть свои святые и «несвятые» подвижники, несшие в мир добро, знания и гуманизм, - и в их числе детский психолог Елена Антипова. Благодаря интернационализации усилий в изучении наследия Е.В.Антиповой, ее образ стал узнаваем и почитаем

Играет воспитанник Фонда Елены Антиповой, Ибирите, Бразилия
A Helena Antipoff Foundation alumnus playing. Ibirite, Brazil

was the best example of that creativity which she taught, which she preached by her very life,” well-known Brazilian writer Otto Lara Resende wrote about Helena Antipoff.²³

Helena Antipoff passed away in St. Luca’s Hospital in Bello Horizonte, on August 9, 1974. Her funeral was attended by thousands of people with the governor of Minas Gerais at the head.²⁴

Every nation has its own national heroes. Only recently this gallery comprised mostly well-coiffed rulers, grey-haired politicians, handsome straight-backed officers in uniform and decorations, and very, very rarely enlighteners, humanists, doctors, or teachers. The 20th century, however, discovered that myopic intellectuals could transform humanity and each individual separately a lot more profoundly than could wars and campaigns. Switzerland has Pestalozzi, Poland has Janusz Korczak, Germany has Albert Schweitzer. Russia also has its own holy and secular zealots who brought good, knowledge, and humanism to the world, and one of them was children’s psychologist Helena Antipoff. Thanks to internationalizing the efforts to study her legacy, her image has become recognizable and venerated not only in Switzerland and Brazil, but has taken a fitting place in the pantheon of the best representatives of humanist thought of the 20th century.

NOTES:

1. “Vigorous, knowledgeable intellectuals – Brazil is the very place for them.” 2010, p. 370.
2. *Quoted from*, B.F. Martynov, “The Russians in Brazil,” *Latin America*, # 11, 1995, p. 80.
3. For the bibliography of Helena Antipoff’s research works see, R.H.F. Campos, *Helena Antipoff: psicóloga e educadora – uma biografia intelectual*. Rio de Janeiro, 2012, pp. 404-411.

не только в Швейцарии и Бразилии, но занимает достойное место в пантеоне лучших представителей гуманистической мысли XX века.

¹Энергичные, знающие интеллигенты - для них Бразилия и создана. 2010. С. 370.

²Цит. по: Мартынов Б.Ф. Русские в Бразилии // Латинская Америка. 1995. №11. С. 80.

³Библиографию научных работ Е.В.Антиповой см.: Campos R.H.F. Helena Antipoff: psicóloga e educadora - uma biografia intellectual. Rio da Janeiro, 2012. P. 404-411.

⁴Назовем основные работы последних лет: Campos R.H.F. Helena Antipoff. Recife, 2010; Helena Antipoff: psicóloga e educadora - uma biografia intellectual. Rio da Janeiro, 2012; Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science / Pickren W., Dewsbury D., Wertheimer M. (Eds.) Portraits of Pioneers in Developmental Psychology. New York: Psychology Press, 2012. P. 51-66.

⁵См.: Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю. Международный научный коллоквиум «Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892-1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России» // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2012. М., 2013. С. 634-640; Образование для всех и ученые-эмигранты: наследие русско-бразильского психолога Елены Антиповой (1892-1974) в области науки, образования и прав человека в Латинской Америке, Европе и России / Сост. Н.Ю.Масоликова, М.Ю.Сорокина. М., 2014.

⁶Ковальчук С. Лифляндские корни Е.В.Антиповой: опыт реконструкции фамильного древа // Образование для всех и ученые-эмигранты. М., 2014. С. 73-74.

⁷Там же.

⁸Ленинградская панорама. 1990. №12. С. 28.

⁹Эйгер-Мошковская Ю.Я. Надеждой бились юные сердца // Ленинградская панорама. 1990. №12. С. 26.

¹⁰Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959. С. 59-60.

¹¹См.: Е.А[нтипова]. О психолого-педагогическом обследовании детей // Трудовая школа. Педагогический сборник. Петроград, 1923. №4/5. С. 86-94.

¹²См.: Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ: 1921-1923. М., 2005. С. 242-243.

¹³РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 23.

¹⁴Там же. Л. 21-21об.

¹⁵НИОР РГБ. Ф. 358. К. 200. Д. 14. Л. 1-1об.

¹⁶Там же. Д. 13. Л. 1. Письмо цитируется с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

¹⁷РГАЛИ. Ф. 2227. Оп. 1. Д. 121. Л. 21.

¹⁸Там же. Л. 24об.

¹⁹Там же.

²⁰Там же. Л. 39об.

²¹Там же. Л. 29.

²²Цит. по: Энергичные, знающие интеллигенты - для них Бразилия и создана. 2010. С. 364.

²³Фотографии захоронения Е.В.Антиповой см. на сайте «Некрополь российского научного зарубежья» // http://www.russianguave.ru/?id=21&prs_id=75 (дата обращения 24.11.2014).

4. Let us list the major works of the last few years, R.H.F. Campos, *Helena Antipoff*. Recife, 2010; *Op. cit.*; Helena Antipoff: A Quest for Democracy and Human Rights with the Help of Psychological Science, W. Pickren, D. Dewsbury, M. Wertheimer (eds.) *Portraits of Pioneers in Developmental Psychology*. New York: Psychology Press, 2012, pp. 51-66.
5. See, N.Yu. Masolikova and M.Yu. Sorokina, International scientific colloquium “Education for All and Emigrant Scholars: the legacy of Russian-Brazilian psychologist Helena Antipoff (1892-1974) in the area of science, education, and human rights in Latin America, Europe, and Russia, *Yearbook of Alexander Solzhenitsyn Russia Abroad House*, 2012, Moscow, 2013, pp. 634-640; Education for all and emigrant scholars: the legacy of Russian-Brazilian psychologist Helena Antipoff (1892-1974) in the area of science, education, and human rights in Latin America, Europe, and Russia. Compiled by N.Yu. Masolikova and M.Yu. Sorokina, Moscow, 2014.
6. S. Kovalchuk, “Lifland Roots of Helena Antipoff: an Experience of Reconstructing the Family Tree,” *Education for All and Emigrant Scholars*, 2014, pp. 73-74.
7. *Ibid.*
8. *Leningrad Panorama*, # 12, 1990, p. 28.
9. V.V. Antipoff did not become a general until December 1910. The memoirist somewhat anticipates the events.
10. Yu.Ya. Eiger-Moshkovskaya, “The Youthful Hearts Were Beating Full of Hope,” *Leningrad Panorama*, # 12, 1990, p. 26; A. Afanasyeva, 1924, p. 100.
11. H.G. Wells, *Russia in the Shadows*, Moscow, 1959, pp. 59-60.
12. See, H. A[ntipoff], On Psychological and Pedagogical Examination of Children, *Trudovaya Shkola*, Pedagogical Collection, Petrograd, 1923, # 4/5, pp. 86-94.
13. See, Exile Instead of Execution: Deportation of Intellectuals in VChK-GPU documents. 1921-1923, Moscow, 2005, pp. 242-243.
14. Russian State Archives of Literature and Art, Folio 2227, List 1, File 121, Sheet 23.
15. *Ibid.*, Sheet 21 reverse.
16. Manuscript Department, Russian State Library, Folio 358, Box 200, File 14, Sheet 1 reverse.
17. *Ibid.*, File 13, Sheet 1.
18. Russian State Archives of Literature and Art, Folio 2227, List 1, File 121, Sheet 21.
19. *Ibid.*, List 1, File 121, Sheet 24 reverse.
20. *Ibid.*
21. *Ibid.*, Sheet 39 reverse.
22. *Ibid.*, Sheet 29.
23. *Quoted from*, “Vigorous, Knowledgeable Intellectuals – Brazil is the very place for them,” 2010, p. 364.
24. See: The photograph of Ms. Antipoff’s tomb at “The Necropolis of Russian Scientists Abroad,” http://www.russiagrave.ru/?id=21&prs_id=75 (Retrieved on November 24, 2014.)